

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 168—181.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 168—181.

Научная статья

УДК 39(571.1/5)

EDN: <https://elibrary.ru/vumich>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.12

**МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА КРАСНОЖЁНОВА (1871—1942):
ПИОНЕРКА СИБИРСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Мария Владимировна Васеха

Институт истории, Сибирское отделение, Российская академия наук,
г. Новосибирск, Россия, maria.vasekha@gmail.com

Аннотация. Основная задача публикации — восстановить биографию М. В. Красножёновой, одной из первых женщин — исследовательниц Сибири, оценить ее вклад в современную этнологическую/антропологическую науку, принимая во внимание эвристическую ценность изучения женских биографий и автобиографий. Поставлена также задача воссоздать этапы складывания научной судьбы этой исследовательницы, значительно менее известной, чем В. Н. Харузина (которой уже посвящены и диссертации, и монографии), поразмышлять о препятствиях, сопровождавших М. В. Красножёнову на ее нелегком жизненном пути, и поддержке, так не хватавшей обычным женщинам в науке, чтобы вписать и ее имя в российскую академическую корпорацию этнографов «первого призыва» (конец XIX — начало XX в.). Первый российский сибиревед М. В. Красножёнова — яркий тип self-made woman, исследовательницы, которой пришлось своим упорным подвижническим трудом заслужить место в сугубо мужском мире ученых Русского географического общества.

Ключевые слова: первая женщина-этнограф, Мария Васильевна Красножёнова, женщина-исследовательница, этнография Сибири, сибиреведение, сибирская этнография, Красноярск

Для цитирования: Васеха М. В. Мария Васильевна Красножёнова (1871—1942): пионерка сибирской фольклористики и этнографии // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 168—181.

Original article

MARIA VASILIEVNA KRASNOZHENOVA (1871—1942): PIONEER OF SIBERIAN FOLKLORISTICS AND ETHNOGRAPHY

Maria V. Vasekha

Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, maria.vasekha@gmail.com

Abstract. The main objective of the publication is to reconstruct the biography of one of the first female researchers of Siberia, M. V. Krasnozhenova, and to assess her contribution to modern ethnological/anthropological science, taking into account the heuristic value of studying women's biographies and autobiographies. In this article, the author reconstructs the stages of formation of the scientific destiny of this researcher, much less known than V. N. Kharuzina, to whom many dissertations and monographs are dedicated. The author also reflects on the obstacles and support that ordinary women in science still lack to this day. Krasnozhenova had to go through a difficult life path to inscribe her name in the Russian academic corporation of ethnographers of the “first call” in the late 19th and early 20th century. M. V. Krasnozhenova, the first Russian Siberian scientist, is one of the brightest representatives of “self-made women”, a researcher who had to earn a place in the strictly “male” world of scientists of the Russian Geographical Society by her hard work.

Key words: first woman ethnographer, Maria Vasilievna Krasnozhenova, woman researcher, ethnography of Siberia, Siberian studies, Siberian ethnography, Krasnoyarsk

For citation: Vasekha, M. V. (2025) Mariia Vasil'evna Krasnozhënova (1871—1942): пионерка сибирской фольклористики и этнографии [Maria Vasilievna Krasnozhenova (1871—1942): pioneer of Siberian folkloristics and ethnography], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 4, pp. 168—181.

Введение

Изучение биографий женщин-ученых заставляет нас задуматься о тех сложностях, с которыми в российском контексте сталкивались многие женщины, оставившие след в науке. Первой плеяде российских исследовательниц по-реформенного периода часто приходилось выбирать свой научный путь как форму эскапизма, доказательства самой себе выгодности и необходимости научного одиночества [Пушкарева, 2019]. Красноярская исследовательница М. В. Красножёнова не стала исключением. При написании работы автор опирается на ее автобиографию, обширную личную переписку, сохранившуюся в фондах архива Красноярского краеведческого музея и Государственного архива Красноярского края, а также прижизненные публикации М. В. Красножёновой [Красножёнова, 1937, 1940] и ее работы, впервые опубликованные уже в конце XX — начале XXI в. [Красножёнова, 1998, 2014]. Автор анализирует специфические факторы становления и развития личности исследовательницы: «женское» влияние матери и бабушки через детский опыт слушания и рассказывания сказок, влияние исследовательского опыта отца, навык выживания

в сложных социально-экономических условиях, способности к самообразованию, круг профессиональных связей и пр.

При рассмотрении с помощью гендерной оптики творческой судьбы женщины-исследовательницы крайне важно принимать во внимание не только профессиональную биографию ученого, но и сценарий ее частной жизни. Часто кажущиеся несущественными страницы биографии определяют вектор развития личности, а мотивация к исследованию, возникшая в детские годы, закладывает исследовательский потенциал на всю жизнь. Таких определяющих моментов в детстве Марии Красножёновой, старшего ребенка в семье госслужащего на телеграфе и внучки сибирского мещанина «из крестьян», было немало. В автобиографии Красножёнова пишет, что детство прошло в самых отдаленных уголках Сибири, куда посыпали ее отца по службе. Она родилась в поселке Бирюса Иркутской губернии, потом семья переезжала в Ачинск, Благовещенск и многие другие населенные пункты сибирской глубинки. Девочка рано потеряла отца, который трагически погиб во время службы. Поэтому в 1881 г. семья вернулась на родину матери в Красноярск, где Мария поступила в женскую гимназию. Чтобы хоть как-то помогать семье, 13-летняя гимназистка начала давать домашние уроки. После окончания Красножёнову оставили работать в *Alma mater*, где она трудилась до 1920 г., пока гимназию не расформировали. Потом она перешла на работу в Красноярский краеведческий музей, откуда в 1928 г. была отправлена на заслуженную пенсию.

В автобиографии можно найти ранние воспоминания о зарождении интереса к изучению устного народного творчества, а именно сказок. Мария вспоминала о том, как бабушка познакомила ее с миром русских сказок, которые могла рассказывать каждый вечер до поздней ночи: «Эта замечательная память бабушки для меня имела особо важное значение — она ввела меня трехлетней девчуркой в волшебное царство русских сказок. Я так много слышала от нее сказок и сама их так хорошо рассказывала, что слава моя пошла по городу. В Петропавловске (куда из Ачинска переехала семья Красножёновых. — М. В.) в то время жила купеческая семья Хлебниковых. И если мужчины весь день были при деле — при магазинах и лавках, многочисленное женское население, покончив все домашние дела, томятся от безделья и скуки. И вот время от времени купчиха посыпает на лошади няню или одну из дочек с няней к моей матери с покорнейшей просьбой отпустить “к ним на денек Маню — позабавить... сказочками”. Хотя и очень неохотно, но, уступая этим просьбам, она меня отпускала»¹. Остались также воспоминания о влиянии талантливых рассказов матери Марии, Елизаветы Александровны, про жизнь красноярцев во времена ее молодости (1860—1880 гг.), которые Мария потом собрала в единую рукопись «О жизни мещан города Красноярска 1860—80 гг.».

М. В. Красножёнова отмечала, что особое отношение к сказкам она пронесла с самого детства через всю свою жизнь, записав несколько сотен новых сказок или различные локальные варианты знакомых сюжетов в ходе полевых выездов по Сибири. Ей удалось внести уникальный вклад в сказковедение, записать «сибирские» варианты известных сюжетов русской сказки: в Сибири

¹ Автобиография Красножёновой М. В. // Архив Красноярского краеведческого музея. Ф. ВФ-12568-56. Далее: Архив ККМ.

в сказки привнесен бытовой характер, отмечена хозяйствственно-экономическая деятельность, связанная с гоньбой по тракту, некоторые типично сибирские ремесла. Кроме того, ей удалось собрать сказки, сюжеты которых абсолютно уникальны и больше нигде не встречаются. Исследовательница вспоминала о том, как крестьянки-сибирячки, не имея возможности праздно беседовать с исследовательницей из города, рассказывали ей свои сюжеты во время выполнения домашних работ. Например, один из редких сюжетов сибирской сказки она записала, пока женщина стирала белье. При этом исследовательница фиксировала не только материалы по устному народному творчеству, но и обращала внимание на особенности повседневной жизни сибиряков: как женщины готовили еду, как накрывали на стол, как рассаживалась семья к трапезе, как вели себя за столом и пр.

Еще одним ярким воспоминанием об обстоятельствах, подтолкнувших Марию заняться исследованиями народной культуры, стал сюжет о том, как после гибели отца она нашла в его бумагах тетрадку с записями способов народного лечения заговорами. В автобиографии она пишет, что эта работа папы ее вдохновила пойти к соседке-знахарке и выпытать у нее несколько способов лечения. Потеря значимого взрослого и желание продолжить его начинания определили исследовательский путь Марии. С тех пор в фокусе ее особого внимания были народная медицина, народные суеверия, свадебные обряды, быт населения Сибирского тракта, положение женщины, жизненный уклад городских мещан — это далеко не полное перечисление ее научных интересов. Этнографические свидетельства, зафиксированные ею в последние десятилетия традиционного периода жизни русских сибиряков, лежат в основе множества исследований советских и современных историков, этнографов, фольклористов [Новоселова, 2003; Васеха 2016; Рычкова, 2019]. Многие этнографические замечания об особенностях быта, социальных, семейных отношениях мог заметить только исследователь с «женской» настройкой исследовательской оптики. Красножёнова видела вещи и процессы в сибирском обществе, на которые мужчина-этнограф не обратил бы внимания. Поэтому ее материалы активно привлекаются исследователями женской истории, истории повседневности, историками материнства и детства, гендерологами, изучающими положение сибирячек в семье и обществе. Уникальность ее полевым материалам придает широкий охват тем, которого невозможно найти у других исследователей рубежа XIX—XX вв.

Красножёнова, не имея никакого специального образования (она окончила только Красноярскую женскую гимназию с правом преподавания), всю свою жизнь вела активнейшую научно-исследовательскую и просветительскую работу. Мария тридцать лет преподавала в родной женской гимназии и регулярно вывозила своих студенток «в поле», в различные уголки родной Енисейской губернии, возвращаясь в юных девушках интерес к этнографии, фольклористике, географии и ботанике. В Красноярском краеведческом музее она организовала несколько резонансных выставок: «Старый Красноярск», «Суриковский уголок», отдел «Быт русского населения», собрала богатые коллекции быта русских сибиряков и предметы по теме истории Сибирского (Московского) тракта.

В силу активной гражданской позиции она принимала участие, пожалуй, практически во всех общественных мероприятиях города, участвовала в благотворительной деятельности, читала научно-просветительские лекции по различным

аспектам, создала Красноярский подвижной педагогический музей наглядных пособий в помощь учителям губернии, даже играла в любительской театральной труппе для сбора средств на различные городские нужды. В своих поздних письмах она отмечала, что такая высокая вовлеченность в научную и общественную жизнь помогала ей отвлечься от мыслей об одиночестве. Она постоянно о ком-то хлопотала и заботилась: о судьбах своих учениц, разлетавшихся по всей стране, о брате Сурикова Александре, о собственной матери. Когда в 1925 г. ее мать Елизавета Александровна умерла, в письмах еще более усилилась тема одиночества, Мария брала на себя все больше различных обязательств, не оставляя себе свободного времени для горестных раздумий.

Талантливый дилетант

М. В. Красножёнова, несмотря на такое признание своей исследовательской деятельности, как членство в Императорском Русском географическом обществе с 1907 г.² (выдающееся событие для женщины того времени) и получение Малой серебряной медали РГО в 1913 г. (В. Н. Харузина получила свою награду — Большую золотую медаль РГО — только спустя год, в 1914 г.) [Перечень награжденных знаками..., 2012], чувствовала себя дилетантом, самоучкой. Она очень переживала, что за плечами у нее нет никакой научной школы и что исследовательскую работу в экспедициях (часто она называла это просто сборами, а себя собирателем) она выстраивала «по наитию».

В автобиографии она писала: «Кроме общественной и профессиональной работы, я со школьных лет стала по собственной инициативе записывать произведения устного народного творчества. <...> В пятом классе, в курсе теории словесности, я нашла небольшой материал о произведениях народного творчества и желательности их записи, это окончательно решило вопрос, и я уже стала по возможности вести систематические записи. К сожалению, не к кому было обратиться за советом и указанием, и только в 1889 году я решила показать свои записи Н. Н. Бакаю (преподаватель в красноярской мужской и женской гимназиях). У меня в это время было записано свыше 100 песен, несколько десятков наговоров и способов лечения, 4—5 сказок, пословицы и загадки. Бакай, просмотрев мои записи, целый час посвятил восторженной речи о необходимости подобной работы, призывать моих подруг последовать примеру. Но... ни указаний, ни литературы почему-то мне не дал, и я осталась беспризорницей, но интерес не пропал, и я, при всяком удобном случае, старалась записать что-нибудь новое. В конце 1890-х годов Яков Павлович Прейн (ботаник, исследователь флоры Восточной Сибири), заинтересовавшийся моей собирательской работой, просил послать мои материалы для напечатания в *Известиях ВСОРОГО* (Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества). Я послала тогда материалы по народной медицине Енисейской губернии, но напечатаны они были много позднее³. Русское географическое общество обратило внимание на труды Красножёновой далеко не сразу, хотя многие его члены — фольклористы, этнографы были знакомы с ней лично или по переписке, часто обращались к ней

² Письмо Инкижинова И. Н. Красножёновой в Красноярск // Там же. Ф. ОФ 13307/44.

³ Автобиография Красножёновой М. В.

с просьбами помочь — уточнить бытование того или иного сюжета в Енисейской губернии, проконсультировать о формах существования того или иного обряда и пр., т. е., по сути, сознавали ее высокую экспертность, но не пропускали в избранный круг признанных публикуемых ученых. Признание к ней пришло только в 36 лет, после того как ее материал с сибирскими сказками был напечатан в сборнике РГО, посвященном 100-летнему юбилею братьев Гримм [Красножёнова, 2014], собственно, именно за эту публикацию ей и присудили серебряную медаль РГО.

Синдром самозванца преследовал Красножёнову практически всю жизнь, несмотря на впечатляющие достижения. Мария старалась при любой возможности выезжать в поле, в сибирскую глубинку собирать как экспонаты для музейной экспозиции, так и нематериальное духовное наследие. В основном выезжала за свой счет, а также старалась найти возможность вывезти своих учениц-гимназисток. Поскольку зарплата педагога и музейного работника была не очень большая, ездила недалеко от Красноярска. Позже появилась возможность выезжать подальше, но все равно многое держалось на ее голом энтузиазме и оптимизме. В письме к супруге бывшего директора Красноярского краеведческого музея своей подруге В. И. Тугариновой Красножёнова констатировала типичную для себя ситуацию: «Я с 1-го считаюсь в отпуску, но до сих пор еще не уехала в деревню. Мне нынче командировочных не перепало, а потому я еду на собственные и хочу совместить и отдых, и работу»⁴.

Один из самых длинных и плодотворных полевых выездов состоялся в 1927 г., когда краеведческий музей профинансировал поездку своих сотрудников по старому Московскому тракту для изучения жизни притрактового населения, сбора экспонатов, материалов устного народного творчества. В письме В. И. Тугариновой она писала, что «даже... получила 250 рублей на поездку по тракту»⁵. Мария Красножёнова вместе с коллегой Еленой Юдиной за 43 дня проехали 300 верст на музейном коне Ваське и исследовали жизнь в 15 притрактовых поселениях (Дрокино, Торгашино, Балахта, Тесь, Рыбное, Батой-Вознесенское, Малый Кемчуг, Кускун и др.). Всего за лето 1927 г. ученые осуществили четыре выезда, в ходе которых собирали для музейной коллекции предметы крестьянского и ямщицкого быта. Собирательницам порой приходилось в поездке читать лекции, чтобы на вырученные деньги накормить коня Ваську. Несмотря на то что Мария была самоучкой, она делала прекрасную этнографическую фиксацию материала — в обязательном порядке записывалась информация, где, когда и от кого получены те или иные сведения, отмечался возраст информанта. В поле писался черновик, а по приезде домой вся информация систематизировалась, обрабатывалась и переписывалась на чистовик.

В одном из личных писем Красножёнова описала комичную ситуацию сельской жизни, произошедшую с ней в поле в 1928 г.: «...на Святках я опять ездила в Батой, где мои “приятельницы”, то есть женщины, у которых я записываю, устроили мне сюрприз: поставили инсценировку свадьбы. Только помешали неприглашенные гости. Они готовы и на сцене поставить в пользу музея ее,

⁴ Письмо В. И. Тугариновой от М. В. Красножёновой от 07.07.1928 // Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 486. Л. 33. Далее: ГАКК.

⁵ Письмо В. И. Тугариновой от М. В. Красножёновой от 20.04.1927 // Там же. Л. 19.

вот как расхрабрились. Только нарушила работу Маруся, сестра Татьяны Николаевны (А. Я. знает) (речь о супруге А. Я. Тугаринове. — *M. B.*), которая воспользовалась моим приездом и ночью убегом ушла замуж. Для семьи горе, а для меня материал. Такова жизнь!»⁶ Мария умела видеть этнографический материал в любом явлении жизни вокруг нее, она пользовалась любой возможностью для сбора сведений о народной жизни.

Красножёнова собрала впечатляющий массив данных по этнографии и фольклористике, ее самый полный архив хранится в Красноярском краевом краеведческом музее — ее последнем рабочем месте (к сожалению, существенная часть архива на момент апреля 2025 г. так и не оформлена должным образом для хранения, поэтому невозможно ее введение в научный оборот). Прижизненных публикаций Красножёновой не так много [Красножёнова, 1937, 1940]. Большая часть материалов разбросана по небольшим сборникам и журналам. В одном из писем она сообщает: «Моя статья о Сурикове была напечатана в журнале “Сибирь” за 1925 г., № 7—8, и я за нее получила первый в жизни гонорар 25 рублей. Каково! Но эти деньги заветные, так же как от продажи открыток, — на издание моих песен. Это будет очень нескоро!»⁷ Первый гонорар за многолетнюю работу она получила в возрасте 54 лет! Красножёнова не только вела подвижническую работу по сбору фольклорно-этнографических материалов, но и сама же часто изыскивала средства на их издание. В своей переписке с четой Тугариновых за 1938 г. она радостно отмечает, что выход в 1937 г. ее сказок и книги о Сурикове окрылил ее. Только ближе к концу жизни Красножёнову начали больше публиковать, оценили огромный вклад скромной женщины-ученого в науку.

Круг профессиональных связей: фольклор, краеведение и областнические идеи Потанина

Несмотря на весьма удаленное проживание от центров науки и образования, Красножёнова восполняла нехватку личного профессионального общения перепиской. В Красноярском краеведческом музее сохранился объемный архив адресованных ей писем. Она действительно вела обширную переписку до самой своей смерти в 1942 г. В архиве представлены свидетельства ее долгой дружбы с известным общественным деятелем, одним из идеологов областнических идей — Г. Н. Потаниным (сохранилось шесть писем), педагогом по фольклору О. И. Капицей (фольклористка и детская писательница, мать великого физика), с филологами и фольклористами Я. С. Лурье и А. В. Гуревичем, с О. В. Кончаловской (дочь Сурикова), фольклористом Г. С. Виноградовым, четой Тугариновых и многими другими. Безусловно, врожденная исследовательская интуиция вкупе с советами от ведущих фольклористов и этнографов страны создали ее уникальную исследовательскую оптику, свежий для того времени подход к фиксации материалов и способность почувствовать перспективу — для чего в дальнейшем могут пригодиться собранные свидетельства.

На закате жизни Красножёнова лично систематизировала и каталогизировала свои записи и в итоге передала сведения о своих находках в фольклорную

⁶ Письмо Тугариновым от М. В. Красножёновой от 06.03.1928 // Там же. Л. 29.

⁷ Письмо В. И. Тугариновой от Красножёновой от 19.02.1926 // Там же. Л. 10 об.

секцию Академии наук СССР. Сейчас алфавитный перечень песен, составленный исследовательницей, хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Исследовательница никогда не теряла возможности записать материал, найдя ценного информанта, приспособливаясь к нему, работала в самых разных условиях — на пороге бани, в гостинице и пр. О своем профессиональном выборе того, по какому принципу записывать те или иные песни, М. В. Красножёнова в письме Г. Н. Потанину отмечала: «Относительно записи песен он (М. П. Овчинников — археолог и этнограф, занимался этнографическими исследованиями якутов. — *M. B.*) находит интересным записывать старинные песни, проходя мимо современных, я же записываю все подряд — так все равно и современная песня в своем содержании дает ясное представление о современных взглядах народа и его интересах» (цит. по вступ. ст. Т. С. Комаровой: [Красножёнова, 2014: 10]). Таким образом, подход к фиксации фольклорных материалов у Красножёновой был весьма профессиональным, даже более продвинутым и дальновидным, чем у получивших профильное образование мужчин-исследователей. Благодаря такому подходу мы имеем яркую иллюстрацию того, как сильно поздняя городская песня влияла на репертуар деревенской молодежи начала XX в.

Красножёнова, как участник программы ликвидации неграмотности губернского комитета по народному образованию, предложила и впервые ввела в 1917 г. в образовательную программу новый предмет — сибиреведение, она также руководила кружком по сибиреведению при Доме юношества в Красноярске. В одном из своих писем Г. Н. Потанину в 1903 г. Мария спрашивала его совета по поводу своей идеи внедрения в школьный курс этого нового предмета. Потанин писал, что не может как-то особенно помочь в этом вопросе, но если бы Красножёнова сама подготовила заметку о расширении преподавания географии в учебных заведениях, то он сумел бы пристроить ее текст в газету «Сибирский вестник»⁸. После революции Красножёнова первая в Сибири осмеливается и пишет докладную записку, на основании которой ей разрешают факультативно в гимназии вести сибиреведение. В рамках этого предмета она рассказывала о культуре, природе Сибири, народных традициях сибиряков.

Красножёнова, благодаря своему таланту выстраивать научные связи и личному обаянию, была включена в активное научное взаимодействие с исследователями и научными институциями по всей стране. Пожалуй, о широком профессиональном признании исследовательницы говорится в статье местной газеты «Красноярский комсомолец», посвященной ее 50-летнему юбилею. Газета опубликовала множество поздравительных телеграмм. Искренние поздравления Красножёновой пришли с кафедры фольклора ЛГУ (за подписью профессора М. К. Азадовского), от московского краеведа Белоногова из Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы Наркомпроса РСФСР, личное поздравление от московского академика Ю. М. Соколова, не говоря уже о многочисленных поздравлениях от сибиряков. В Государственном архиве Красноярского края сохранился билет-приглашение на торжественное собрание, «посвященное пятидесятилетию научной деятельности старейшей

⁸ Письмо Потанина Г. Н. из Томска Красножёновой в Красноярск от 20.12.1903 // Архив КККМ. Ф. ОФ-13020/37.

в СССР собирательницы фольклора»⁹, которое состоялось 19 октября 1939 г. в городском театре им. А. С. Пушкина. В конце статьи приводятся слова юбилярши: «Счастливая у меня старость — ведь в нашей стране велики возможности творить» [Творческая жизнь..., 1939: 3]. Несмотря на то что высказывание походит на реверанс советской власти, думается, что Мария Васильевна сказала эти слова очень искренне. Ведь ее действительно ничто не останавливало — ни отсутствие финансирования и специального образования, ни смена политического режима; она спокойно и уверенно продолжала свою работу и, невзирая на меняющиеся социально-политические условия, ездила по родному краю, собирала фольклорно-этнографические материалы, подготавливала выставки, читала лекции.

Сибирифилия: творческий альянс этнографа Красножёновой и художника Сурикова

Красножёнова много и активно общалась со своим знаменитым земляком, тоже большим патриотом Сибири, В. И. Суриковым. Сохранилась их обширная переписка. Осознавая масштаб личности Сурикова и значение его фигуры для родного края, она всю жизнь собирала материалы и вырезки о нем, а после его смерти стала организатором выставки в честь его памяти. Красножёнова выступила соавтором книги о Сурикове, написанной вместе с историком и краеведом А. Н. Туруновым [Турунов, Красножёнова, 1937]. До самой своей смерти она поддерживала общение с дочерьми Сурикова.

В книге о Сурикове Красножёнова писала, что одной из важных черт его творчества является прочная связь с родным краем, «его постоянная оглядка на Сибирь, откуда он черпал творческое вдохновение, где искал образы для выражения своих замыслов» [там же: 11]. Художник искренне любил свою родину — Сибирь и искал то особенное, что могло отразить местный колорит, придать его палитре особые сибирские краски, помочь выразить удивительный дух русских людей Сибири. О его художественном наследии С. Н. Дурылин писал: «Суриков строил в своем творчестве Русь XVI—XVIII вв., народную, страдающую, борющуюся. Но что бы он ни строил — “Ермака”, “Стрельцов” и “Суворова”, он строил из сибирского дерева или камня, или во всяком случае никогда не обходился без него... Вряд ли возможно художнику глубже и крепче внедрить свою родину в свое творчество, чем это сделал Суриков» [Дурылин, 1930: 80].

Суриков вновь приехал на сибирскую родину уже после того, как стал знаменитым и популярным художником, после личной трагедии — смерти в 1888 г. жены Елизаветы Августовны. После этого потрясения он уехал в Красноярск за душевным исцелением. Позднее сам Суриков вспоминал, что привез тогда из Сибири необычайную силу духа. Обстановка, знакомая с детства, близкие по духу люди, сибирская природа — все это возродило художника к жизни и возобновило жажду творчества. Именно тогда в поисках нового жизненного ориентира Суриков создал свою, наверно, самую «сибирскую» картину — «Городок берут». Картина была написана с огромным душевным подъемом, художник стремился передать «впечатление своеобразной сибирской жизни, краски ее зимы». Обстоятельное исследование этого старинного народного обычая,

⁹ ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 447. Л. 2.

существовавшего в Красноярском крае, делала Мария Красножёнова [Красножёнова, 1924]. Она отмечала, что, несмотря на интерес к этнографическим особенностям Сибири, Суриков их творчески переосмыслил и руководствовался собственными художественными замыслами. «Даже в изображении самого городка допущено много погрешностей: постройка городка в действительности бывала много затейнее, чем на картине у Сурикова, где всадник разрушает простую снежную стену», — писала она в своей работе о творчестве красноярского художника, вошедшего в мировую художественную культуру [Турунов, Красножёнова, 1937: 28].

Для Марии Васильевны, чей смысл жизни заключался в неустанных поисках сибирской специфики русской культуры и форм выражения любви к своей родине — Сибири, и конкретно к Красноярскому краю, фигура Сурикова и все его творчество, в особенности сибирское наследие, были очень значимы. За свою жизнь Суриков написал на сибирскую тему три картины: «Меньшиков в Березове», «Взятие снежного городка» и «Покорение Сибири». Из нереализованных сибирских художественных замыслов осталась мечта Сурикова написать эпическое полотно «Красноярский бунт 1695—1698 гг.». После смерти художника Красножёнова вела отдельную работу по сбору различных материалов и свидетельств современников о Сурикове. Есть воспоминание О. П. Аржаных, руководителя культурно-исторического музея «Некрополь», о словах соседки Марии Красножёновой. Женщина вспоминала, что на ее вопрос, почему она одинока, та ответила: «Всю жизнь я любила Сурикова, но нам было не дано». Учитывая, что о личной жизни Красножёновой ничего не известно, кроме того, что она никогда не была замужем и не имела детей, такой вариант событий вполне имеет место быть. В письмах Красножёновой к своей подруге В. И. Тугариновой после смерти Сурикова иногда стали появляться упоминания накатывающего чувства одиночества, тоски, которые, по ее словам, она компенсировала высокой рабочей нагрузкой, частыми полевыми выездами, активным участием в социокультурной жизни города.

Выходы

М. В. Красножёнова не имела возможности получить специальное образование, но это не стало препятствием для ее отказа от традиционного пути социализации девушек тех лет: матримониального выбора и посвящения себя семье и домашнему хозяйству. Она не побоялась войти в сугубо мужскую для того времени сферу науки и занять там особое место. Красножёнова нашла себя и свое призвание в разнообразных научных изысканиях и полевых исследованиях, талантливой педагогической деятельности, сохранении исторического наследия родного края. Безусловно, она относилась к поколению женщин «нового типа», воспитанных на общественных идеалах 1860-х гг. и принадлежавших к авангарду женского движения в России, и в Сибири в частности. И если многие первые женщины — участницы экспедиций Русского географического общества часто были женами, соратницами, близкими помощницами, «выращенными» своими мужьями-исследователями (например, Е. Н. Клеменц — жена Д. А. Клеменца, А. В. Потанина — жена Г. Н. Потанина), то опыт вхождения Красножёновой в прежде закрытую для женщин научную сферу стоит особняком. У нее не было Учителя и даже простого примера того, как нужно проводить полевые исследования и обрабатывать материалы.

Стать ученым помогли врожденная научная интуиция, исследовательская смелость, внимательный к важным деталям глаз, постоянное стремление к самообразованию и подвижнический труд. Не имея собственной семьи, детей, Красножёнова всю жизнь посвятила служению науке и родному краю. Однако путь научного эскапизма имел свои издержки, в личной переписке она ненавязчиво, как бы вскользь намекает на свое сложное внутреннее психологическое состояние: «...я по-звериному не вою, так это потому, что у меня есть драгоценная способность себя развлекать — то работу придумаю спешную, то в деревню к бабкам своим поеду и наслаждаюсь (искренне) их милым обществом, то пойду на кладбище — там тоже много знакомых завела — стараюсь в добрые попасть, — помру, так могилку обещают поливать»¹⁰. Тем не менее примером своей жизни она показала иную женскую жизненную стратегию, по сути, стала ориентиром для следующих поколений сибирских женщин-исследовательниц.

Абсолютная бессребреница, Красножёнова все заработанные деньги тратила на полевые экспедиции, издание собственных собранных материалов, жертвовала на благотворительность и городские нужды, помогала тем могла своим ученицам, уезжавшим учиться дальше в Томск, Москву, Петроград и другие города. У нее никогда не было собственного жилья, поэтому она постоянно жила в различных съемных комнатах. Так, в письме от 1938 г. Красножёнова, уже будучи пожилым и больным человеком, описывает свои скитания по квартирам: «...за два дня до праздника (9 ноября) меня водворили в новую светлую комнату "Дома специалистов". Я долго не могла поверить, что эта светлая комната в 16 метров — моя! Вы у меня гостили в 1930 г. в большой и хорошей комнате, но с осени я перебралась в маленькую, откуда и к вам приезжала. А с января 35 г., перевезена совсем больной, я попала в крохотную каморку, низкую, душную. В этих условиях я ни поправиться, ни работать не могла, но зная все затруднения с жилплощадью, — я одинокий, старый человек, выбывший из строя активных работников, — я не решалась идти и надоедать людям о своем жилищном устройстве. По частному сектору уже ничего не выходило, да и частные квартиры мне не по карману — дорого»¹¹. Уже будучи больной, с серьезно подорванным здоровьем, она могла рассчитывать только на заботу со стороны бывших коллег и городских властей. И такое положение ей, всегда активной и независимой женщине, которая всю жизнь помогала другим и хлопотала о них, было в тягость.

Нельзя все же сказать, что имя Марии Красножёновой совсем забыто. Ее активная деятельность и включенность во многие сферы городской жизни побудили местную власть после ее смерти, в 1943 г., присвоить красноярской школе № 19 имя М. В. Красножёновой [Увековечение памяти..., 1943]. Однако в наши дни ни одна школа города не носит ее имя. 7 декабря 1996 г. Красноярским филиалом Историко-родословного общества было подготовлено письмо в администрацию города о присвоении одной из его улиц имени М. В. Красножёновой¹²,

¹⁰ Письмо Тугариновой от Красножёновой от 16.05.1928 // Там же. Д. 486. Л. 31 об.

¹¹ Письмо Тугариновым от Красножёновой от 01.01.1938 // Там же. Д. 491. Л. 1 об.

¹² Документы заседания ИРО, посвященные памяти М. В. Красножёновой // Там же. Ф. П-981. Оп. 1. Д. 20; Письмо ИРО в администрацию г. Красноярска о присвоении одной из улиц имени М. В. Красножёновой // Там же. Д. 23.

однако инициатива, судя по всему, успехом не увенчалась. Хоть как-то отобразить вклад исследовательницы в исторической памяти города удалось в 2000 г. На здании бывшей женской гимназии (которую она окончила и в которой потом отработала 30 лет), а затем Красноярского государственного педагогического института им. В. П. Астафьева открыли очень скромную памятную табличку с надписью: «Здесь в 1881—1889 гг. училась и в 1890—1920 гг. преподавала в гимназии этнограф, фольклорист Мария Васильевна Красножёнова». В экспозиции Красноярского краевого краеведческого музея имя Марии Васильевны сегодня никак не отражено, хотя собранные ею жемчужины коллекции — предметы быта русских сибиряков и притрактового населения Енисейской губернии продолжают успешно экспонироваться. Исследовательское наследие Марии Васильевны Красножёновой, ее вклад в изучение женской истории, истории повседневности до сих пор продолжает раскрываться и осознаваться современниками.

Список источников

- Васеха М. В.* Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг.: (по материалам юга Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2016. 245 с.
- Дурылин С. Н.* Сибирь в творчестве В. И. Сурикова. М.: Худож.-изд. акционер. о-во АХР, 1930. 61 с.
- Красножёнова М. В.* Семь сказок русского населения Енисейской губернии. Пг.: Тип. Императ. акад. наук, 1914. 32 с.
- Красножёнова М. В.* Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. 1924. Т. 1, вып. 1—2. С. 21—37.
- Красножёнова М. В.* Сказки Красноярского края. Л.: Гослитиздат, 1937. 293 с.
- Красножёнова М. В.* Сказки нашего края. Красноярск: Краснояргиз, 1940. 272 с.
- Красножёнова М. В.* Ребенок в крестьянском быту: семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX — первой трети XX в. / подгот., предисл. В. А. Зверева. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1998. 58 с.
- Красножёнова М. В.* Быт Большого Сибирского тракта: рукопись из фондов Красноярского краеведческого музея. Красноярск: Поликор, 2014. 188 с.
- Новоселова Н. А.* Празднование масленицы в Енисейской губернии в XIX — начале XX в. Проблема распространения, эволюции и семантики обрядовых действий: учебное пособие по курсам устного народного творчества, краеведения, этнографии: региональный компонент образования / науч. ред. Б. А. Чмыхало. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. 189 с.
- Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845—2012). 2012. URL: https://rgo.ru/upload/about/awards/spisok-nagrazhdennyh_8.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
- Пушкирова Н. Л.* Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 214—245.
- Рычкова Н. Н.* Репертуар сельской девушки юга Красноярского края в 1926 году // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 1. С. 159—176.

Творческая жизнь. 50-летний юбилей М. В. Красножёновой // Красноярский комсомолец. 1939. 18 октября (№ 144). С. 3.

Турунов А. Н., Красножёнова М. В. Б. И. Суриков. Иркутск; М.: Востсибоблгиз, 1937. 153 с.

Увековечение памяти М. В. Красножёновой // Красноярский рабочий. 1943. 4 марта (№ 52).

URL: <https://www.kkkm.ru/posetitelyam/stati-i-publikacii/sibirskaya-sobiratelnica> (дата обращения: 15.03.2025).

References

- Durylin, S. N. (1930) *Sibir' v tvorchestve V. I. Surikova* [Siberia in the works of V. I. Surikov], Moscow: Khudozhestvenno-izdatel'skoe aktsionernoje obshchestvo AKhR.
- Krasnozhenova, M. V. (1914) *Sem' skazok russkogo naseleniya Enisejskoj gubernii* [Seven fairy tales of the Russian population of the Yenisei province], Petrograd: Tipografia Imperatorskoj akademii nauk.
- Krasnozhenova, M. V. (1924) Vziatie "snezhnogo gorodka" v Enisejskoj gubernii [The capture of "a snowy town" in the Yenisei province], *Sibirskaja zhivaia starina*, vol. 1, iss. 1—2, pp. 21—37.
- Krasnozhenova, M. V. (1937) *Skazki Krasnojarskogo kraia* [Fairy tales of the Krasnoyarsk Territory], Leningrad: Goslitizdat.
- Krasnozhenova, M. V. (1940) *Skazki nashego kraia* [Fairy tales of our region], Krasnoyarsk: Krasnojarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Krasnozhenova, M. V. (1998) *Reběnok v krest'ianskom bytu: Semejný mir detstva i roditel'stva v Sibiri kontsa XIX — pervo treti XX v.* [The child in peasant life: The family world of childhood and parenthood in Siberia at the end of the 19th — the first third of the 20th century], Novosibirsk: Novosibirskiĭ gosudarstvennyĭ pedagogicheskiĭ universitet.
- Krasnozhenova, M. V. (2014) *Byt Bol'shogo Sibirskogo trakta: rukopis' iz fondov Krasnojarskogo kraevyedcheskogo muzeia* [Life of the Great Siberian Tract: a manuscript from the collections of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore], Krasnoyarsk: Polikor.
- Novoselova, N. A. (2003) *Prazdnovanie Maslenitsy v Enisejskoj gubernii v XIX — nachale XX v. Problema rasprostraneniia, évoliutsii i semantiki obriadovykh deistviĭ*: Uchebnoe posobie po kursam ustnogo narodnogo tvorchestva, kraevedeniia, ètnografi: Regional'nyj komponent obrazovaniia [Celebration of Maslenitsa in Yenisei province in the 19th — early 20th century: The problem of distribution, evolution and semantics of ritual actions: A study guide for courses in oral folklore, local history, and ethnography: A regional component of education], Krasnoyarsk: Krasnojarskiĭ gosudarstvennyĭ pedagogicheskiĭ universitet.
- Perechen' nagrazhdennykh znakami otlichiiia Russkogo geograficheskogo obshchestva (1845—2012)* [List of recipients of the insignia of the Russian Geographical Society (1845—2012)], available from https://rgo.ru/upload/about/awards/spisok-nagrazhdennyh_8.pdf (accessed 15.03.2025).
- Pushkareva, N. L. (2019) Èvristicheskaia tsennost' avtobiografiĭ dlja genderologa: sopostavliaia teoreticheskie itogi rossiiskikh i zarubezhnykh avtobiograficheskikh issledovanii [The heuristic value of autobiographies for a genderologist: comparing the theoretical results of Russian and foreign autobiographical research], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*, seriiia Istoriiia Rossii, vol. 18, no. 2, pp. 214—245.

- Rychkova, N. N. (2019) Repertuar sel'skoj devushki iuga Krasnojarskogo kraia v 1926 godu [The repertoire of a rural girl in the south of the Krasnoyarsk territory in 1926], *Traditsionnaia kul'tura*, vol. 20, no. 1, pp. 159—176.
- Turunov, A. N., Krasnozhenova, M. V. (1937) *V. I. Surikov*, Irkutsk, Moscow: Vostsiboblgiz.
- Vasekha, M. V. (2016) *Russkaia krest'ianka v sem'ye i obshchestvennoi zhizni 1920-kh gg.: (Po materialam iuga Zapadnoi Sibiri)*: Dis. ... kand. ist. nauk [The Russian peasant woman in the family and social life of the 1920s: (Based on materials from the South of Western Siberia): Diss. (Cand. Sc.)], Institut étnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaia Rossijskoj akademii nauk, Moscow.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Васеха Мария Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, maria.vasekha@gmail.com (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation).